

ПЕРЕВОДЫ ЕВАНГЕЛИЯ НА КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

М. В. Пулькин

Предметом статьи является переводческая деятельность приходского духовенства Олонецкой епархии в XIX — начале XX в. Основным стимулом для освоения карельского языка, создания переводов Священных текстов послужили потребности богослужения. Существенное воздействие оказали сильное старообрядческое влияние, а также мнимая угроза лютеранской пропаганды. К началу XX в. переводческая деятельность получила широкое распространение и стала существенным стимулом для развития грамматики карельского языка.

История переводов Евангелия на карельский язык до настоящего времени не стала предметом пристального внимания специалистов. Между тем переводы библейских текстов к началу XX в. являлись существенным фактором, способствовавшим как развитию грамматики карельского языка, так и росту национального самосознания. Начало великого дела перевода священных текстов на карельский язык связано с простой случайностью. В 1773 г. к Новгородскому митрополиту прибыл кандидат на священническое место из Лопских погостов Повенецкого уезда. От будущего священника митрополит узнал, что «прихожане его (кандидата во священники. — М. П.) вовсе не понимают российского языка». Митрополит распорядился «заставить его перевести на олонецкий язык Символ православной веры, молитву Господню, Отче наш и краткое нравоучение христианское». Затем он созвал некоторых олонецких купцов, торгующих в Петербурге, «заставлял их читать перевод и требовал мнения, соответствовал ли он тому благовому намерению?». После этого ставленник отправился домой, имея в своем распоряжении перевод «через хорошо знающих оба языка людей»¹.

Спонтанные действия Новгородского митрополита положили начало изучению и использованию карельского языка в повседневной богослужбной практике. Этому в значительной степени способствовали реальные потребности религиозной жизни: необходимость обогатить ценностями и традициями Православия повседневную жизнь карелов и в особенности — борьба против старообрядческого влияния. Наличие конкурентов беспокоило церковные власти.

---

¹ Письмо от неизвестного, из города Кинешмы, к обер-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну, — о необходимости перевести на олонецкий язык катехизис и другие религиозно-нравственные книги // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 129.

Решение проблемы языкового барьера у противостоящих конфессий происходило по-разному: старообрядцы энергично осваивали карельский язык или знали его с детства, в то время как представители «господствующей» Церкви делали первые робкие шаги в деле освоения «иностранческих» языков. Можно сказать, что на Европейском Севере проявилась знакомая по другим частям Российской империи ситуация: «никто и не думал о необходимости для священников знать местные иностранческие языки, или о желательности священников и учителей из среды самих иностранцев»².

Центральной духовной властью отсутствие необходимых для священнослужения книг была замечено в 1802 г., когда Святейший Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры в числе прочих на «олонецкий и карельский языки»³. В 1804 г. Синод издал «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» в виде двух небольших брошюр с параллельными текстами на карельском и церковнославянском языках⁴. В этом же году 800 экземпляров брошюры были оправлены в Новгородскую епархию «для раздачи оных обитающим в Новгородской епархии обращенным в веру греческого исповедания олонечким народам для лучшего их вразумления и понятия о богопочитании и истинном познании святости христианской веры»⁵. Эти попытки не без оснований подвергались критике в публицистике начала XX в. Изучение данной проблемы показало, что «сам выбор книг для перевода был сделан неудачно. Чтобы заинтересовать крещеных иностранцев христианством, тронуть их сердце, следовало выбрать, во всяком случае, не катехизис, а что-нибудь другое. Такая форма, как катехизис, изложенный в вопросно-ответной форме, в виде сухо-догматических рассуждений, не могла заинтересовать иностранца даже и в том случае, если бы она и была переведена правильно на живой иностранческий язык»⁶.

Возникшие трудности в приобщении «иностранцев» к Православию и потребности в новых переводах ощущались повсеместно, затрагивая и Европейский Север России. В частности, этот вопрос поставил одних из ключевых чиновников Российской империи. В 1816 г. обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын обратил внимание Новгородского митрополита Амвросия на необходимость обучения священников карельскому языку. «Нельзя ли, — говорилось в письме обер-прокурора, — отыскать ключ к олонечкому языку, который якобы близок в выговоре к финскому, и преподавать его в семинарии по правилам грамматическим, дабы тем доставить для олонцев пастырей, могущих проповедовать слово

² Зеленин Д. Н. И. Ильминский и просвещение иностранцев (К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского). СПб., 1902. С. 6.

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 796. Оп. 84. Д. 4. Л. 78.

⁴ Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. М., 1967. С. 92.

⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 25. Оп. 16. Д. 25/54. Л. 2.

⁶ Прокопьев К. Переводы христианских книг на иностранческие языки в первой половине XIX в. (исторический очерк). Казань, 1904. С. 13.

Божие на собственном их языке»⁷. Таким образом, необходимость в освоении языка «олонцев» была осознана на самом высоком уровне. Для карельского языка этот труд имел чрезвычайное значение. Ведь «национальные языки почти всегда являются наполовину... вполне искусственными образованиями... Обычно это результат попыток построить единый образцовый язык из множества реально существующих в живой речи вариантов»⁸. Эту непростую работу начали священники-энтузиасты. Воспитанник Новгородской духовной семинарии В. Сердцов представил Новгородскому и Санкт-Петербургскому митрополиту перевод Евангелия на карельский язык. Митрополит в свою очередь передал текст князю А. Н. Голицыну, который сообщил о новом переводе Комитету Библейского общества⁹, заинтересованному в публикации переводов текста Библии на доступном для населения Империи языке. В целом за время своей деятельности (1812—1821) Библейское общество «осуществило 129 изданий как полного текста Библии, так и отдельных ее частей на 29 языках»¹⁰. Казалось, что переводческая деятельность воспитанника Новгородской семинарии началась во вполне благоприятный для такого рода трудов момент. В этот период (в 1820 г.) Российское Библейское общество издало Евангелие от Матфея в переводе на тверской диалект карельского языка¹¹. В 1821 г. учитель Сольвычегодского духовного училища Александр Шергин перевел на «зырянский» язык Евангелие от Матфея. Текст был опубликован в 1823 г.¹² Комитет, одобрив труд Сердцова, счел, тем не менее, «за нужное» узнать: «довольны ли будут олонецкие карелы таковым переводом на их наречие, также столь велико число людей, говорящих оным, и много ли из них понимающих по-русски и знающих читать». Для ответа на все эти вопросы было решено передать текст «духовным лицам» в Олонецкую епархию¹³.

Петрозаводское духовное правление, получив текст, приказало местным священникам изучить его и вынести заключение о пригодности перевода для карельских приходов. Решение священников оказалось неблагоприятным: подготовленный новгородским семинаристом текст Евангелия был признан подходящим только для карелов шести приходов Олонецкого и Петрозаводского уездов. Сегодня можно сказать, что это блестящий результат. В России в этот период очень часто оказывалось, что «переводы совершались не на народные инородческие языки, а на какую-то тарабарскую смесь этих языков»¹⁴. Но в Олонецкой епархии текст Евангелия в переводе Сердцова признали неудачным. Было

⁷ Отношение обер-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына, к Новгородскому митрополиту Амвросию, от 14 февраля 1916 года, о необходимости обучать священников-ставленников в Лопские погосты — карельскому языку // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 130.

⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 86.

⁹ НА РК. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1/13. Л. 2.

¹⁰ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 320.

¹¹ Макаров Г. Н. О переводном памятник карельского языка 20-х гг. прошлого века // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. 1963. Вып. 39. С. 70—79.

¹² О переводах Священного Писания // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование императора Николая I. Т. 1. СПб., 1915. С. 112.

¹³ НА РК. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1/13. Л. 2.

¹⁴ Зеленин Д. Н. И. Указ. соч. С. 7.

заявлено, что на территории Петрозаводского уезда проживают такие карелы, у которых «язык корельский есть вовсе испорченный и неправильный, а иные хотя и понимают, но в другом смысле». Поскольку речь в данном случае шла об обитателях Шелтозерского, Шокшенского и Рыборецкого приходов, то можно с высокой долей уверенности говорить о том, что обладателями «испорченного карельского языка» были вепсы¹⁵. Для них новгородский перевод был бы совершенно бесполезен.

Из-за позиции местного духовенства текст Сердцова не был опубликован. Это решение объясняется рядом причин. Во-первых, олонецкое духовенство в своей массе не желало замечать острейшую проблему карельского языка, опираясь на многовековой опыт своих отцов-предшественников, которые вполне легко обходились и без такого рода познаний. Во-вторых, огромное многообразие диалектов карельского языка не внушало оптимизма: тексты, пригодные для одного прихода, оказывались бесполезными в соседнем. Местное духовенство не стремилось изучать язык местных жителей. Одним из редких исключений стала деятельность священника Горского прихода Петра Ивановича Гусева, который во время служения в своем приходе (приблизительно с 1813 по 1833 г.) перевел Евангелие от Матфея на «олонецкий» диалект карельского языка. Этот уникальный случай приобрел широкую известность. Так, олонецкий губернатор А. И. Рыхлевский рекомендовал известному ученому А. М. Шегрену встретиться с Петром Ивановичем и воспользоваться его богатым опытом для новых лингвистических исследований. Такая встреча состоялась: Шегрен провёл в Горском две недели, «совершенствуя с помощью священника П. И. Гусева свои познания в олонецком диалекте карельского языка»¹⁶. Местные церковные власти явно догадывались, что переводы Евангелия продолжаются силами некоторых приходских священников. Духовное начальство никак не содействовало им, но пыталось воспользоваться плодами труда. Так, в 1830 г. Олонецкая духовная консистория разослала во все подведомственные ей приходы распоряжение прислать сделанные священниками «из образованных» переводы Священного Писания и молитв на карельский язык. В дальнейшем предполагалось использовать эти тексты для языковой подготовки семинаристов¹⁷.

В 1829 г. при Олонецкой духовной семинарии был открыт класс карельского языка, «употребляемого местными жителями края» (речь шла о ливвиковском диалекте)¹⁸. Длительное существование карельского класса стало заметным стимулом в изучении местного «наречия». Вероятно, именно для этих занятий преподаватель Петрозаводского духовного училища П. Шуйский подготовил хрестоматию на карельском языке. Предложенные Шуйским тексты, судя по указу Синода, рекомендовались для всех духовно-учебных заведений, где преподается карельский язык, если «прежде отпечатания этой рукописи русский алфавит бу-

¹⁵ НА РК. Ф. 126. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 17.

¹⁶ Пашков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Петрозаводск, 2000. С. 27.

¹⁷ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 39/23. Л. 4.

¹⁸ Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1829—1879 гг.) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879. С. 30.

дет точнее приспособлен к выражению звуков карельского языка». Но ко времени одобрения рукописи П. Шуйский скончался, а чтение курса прекратилось в 1872 г.¹⁹ Благодаря его трудам был поставлен вопрос о том, что «инородческие» языки должны активнее использоваться в богослужебном обиходе.

На общероссийском уровне эту идею наиболее отчетливо сформулировал казанский профессор-востоковед Н. И. Ильминский. Он предлагал «использование местных языков для облегчения усвоения русского языка и других учебных предметов»²⁰. Сходным образом видел решение этой проблемы тогдашний министр народного просвещения граф Д. А. Толстой²¹. Его перу принадлежали следующие строки: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение»²². По его мнению, «объединение всех народностей России» могло быть достигнуто «не путем приспособления к запросам отдельных народностей, а через прохождение их через правительственную однообразную для всех местностей России школу с государственным языком преподавания»²³. Неудивительно, что взаимопонимание между этими двумя деятелями просвещения установилось быстро. Они предлагали сделать сначала «орудием первоначального обучения для каждого племени... родное наречие его». Учителями школ для «инородцев» должны были становиться выходцы из местных народов или русские, владеющие инородческим наречием. На втором этапе обучения предполагался переход на русский язык: «...как только усвоят себе довольно значительный запас русских слов и выражений, начинают обучаться русской грамоте». На третьем этапе предусматривался переход на русский язык и совместное обучение «инородческих» и русских детей²⁴.

Труды Ильминского принесли ему всероссийскую известность и влияние. С большим уважением к казанскому ученому относился влиятельнейший государственный деятель конца XIX в. обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. «В глазах Победоносцева, других петербургских сановников и высших церковных иерархов глубоко преданный традиционным устоям русской монархии профессор Ильминский был главным знатоком религиозного дела у инородцев»²⁵. С 1870-х гг. использование «инородческих языков» в богослужении вышло на первый план, стало обязательным критерием успешной миссионерской деятельности по всей России. Высочайшее одобрение получила концепция Н. И. Иль-

¹⁹ НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 15/736. Л. 17.

²⁰ Волхонский М. А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. 2005. № 5. С. 54.

²¹ Малиновский Н. П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы. Петроград, 1916. С. 137–138.

²² Цит. по: Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М., 1973. С. 59.

²³ Малиновский Н. П. Указ. соч. С. 127.

²⁴ Узаконение мнений Н. И. Ильминского в высочайше утвержденных 26 марта 1870 г. правилах о мерах к образованию инородцев и в действующих ныне правилах 1 ноября 1907 г. об инородческих начальных училищах // Ильминский Н. И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. 20–21.

²⁵ Арапов Д. Ю. «Письма Николая Ивановича Ильминского» как источник по истории русского миссионерства на Востоке // Христианский мир: религия, культура, этнос. Материалы научной конференции. СПб., 2000. С. 113.

минского, который горячо призывал православных пастырей осваивать языки местного населения. Он, в частности, писал: «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском, хотя бы последний был для них знаком в некоторой степени. Это потому, что родной язык непосредственно говорит и уму, и сердцу»²⁶.

Но одного осознания важности дела оказалось недостаточно. Требовалась предельно тщательная, скрупулезная работа, направленная на подготовку кадров переводчиков и на создание текстов проповедей, привязанных к конкретным диалектам карельского языка. Все эти усилия неизбежно должны были привести к подлинному расцвету переводческой деятельности. В конце XIX в. перевод Священного Писания на карельский язык стал более успешным, чем прежде, делом. Причины этого заключались как в накопленном опыте переводческой деятельности, так и в том, что влиятельные современники обратили внимание на энтузиастов-переводчиков Священного Писания и оказали им поддержку. Так, в Петербурге на русском и карельском языках был издан «Карельско-русский молитвенник для православных карелов», составленный Е. И. Тихановым, и «Начала христианского учения» А. Логиновского (1882). Современные исследователи высоко оценивают это издание: «В настоящее время молитвенник Тиханова считается лучшим по орфографии печатным изданием на одном из ливвиковских диалектов карельского языка, а именно на самозерском говоре»²⁷. Эти труды стали важным подспорьем для священников, готовых проповедовать и вести богослужение на карельском языке. В 1895–1897 гг. аналогичные усилия предпринял Архангельский епархиальный комитет православного миссионерского общества, выпустивший несколько духовных брошюр для карелов Кемского уезда Архангельской губернии²⁸. Эта работа была продолжена и в начале XX в. По данным отчета епархиального архиерея, при миссионерском обществе работал Переводческий комитет, основной заслугой которого стало издание Евангелия от Иоанна, переведенного на карельский язык священником Тунгудского прихода Архангельской епархии К. Дьячковым²⁹.

Характерной чертой этого времени стало появление все новых стимулов для изучения языков. Помимо профессиональных требований, и ранее предъявляемых духовными властями к священникам, отныне появился внешний фактор. В Олонецкой и Архангельской епархиях началась борьба с панфинской, а с 1905 г., со введением закона о веротерпимости, и лютеранской пропагандой³⁰. Современные исследования показывают, что угроза лютеранского влияния оказалась

²⁶ Знаменский П. Н. На память о Н. И. Ильминском. Казань, 1892. С. 204.

²⁷ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 195.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1821. Л. 72. См. также: Пулькин М. В. Переводческая комиссия Архангельского Комитета Православного миссионерского общества (конец XIX в.) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 97–102.

³⁰ Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавного шовинизма в Карелии (по материалам источников конца XIX — начала XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64.

сильно преувеличенной³¹. Но ее следствием были вполне реальные перемены в сознании многих просвещенных олонецких пастырей. В начале XX в. было достигнуто единство мнений: в 1907 г. священники Олонецкой епархии осознали необходимость изучения карельского языка и использования знаний в пастырской деятельности. Об этом свидетельствуют постановления миссионерского съезда духовенства, проходившего в Видлицах. Обсуждая программу усиления преподавания церковнославянского языка в приходах, священники отмечали: «желательно было бы, чтобы в карельских местностях богослужение совершалось поочередно то на церковнославянском (для русского населения), то на карельском языке. <...> При этом желательно, чтобы богослужение для карелов совершалось непременно на карельском языке». Финский язык, напротив, использовать не рекомендовалось, «так как последнее еще более будет способствовать офинению и олютераниванию карел». Наоборот, богослужение на родном карельском языке «будет возбуждать в карелах симпатию к православному богослужению и православному духовенству»³².

Из данных начала XX в. вырисовывается довольно благоприятная картина дальнейшего интенсивного развития «инородческих» языков и их использования в богослуженном обиходе. При этом формировались грамматические правила, обогащался словарный запас, по сути дела «с нуля» создавалась национальная интеллигенция. В конечном итоге повышался статус «инородческих» языков. Ведь «степень использования в издательском деле является индикатором тех условий», которые язык имеет для своего функционирования в качестве литературного³³. Судя по публикациям в епархиальной периодической печати, процесс перевода отдельных фрагментов Евангелия интенсивно продолжался благодаря усилиям энтузиастов из числа священников, свободно владевших «инородческими» языками. В 1907 г. опубликовано Пасхальное Евангелие, переведенное «природным кареляком», дьяконом Уножского прихода Стефаном Троицким³⁴. В этом же году псаломщик Кондоковского прихода Иван Никутьев «адаптировал к особенностям местного (карельского. — М. П.) говора Евангелие от Марка и некоторые поучения»³⁵. С 1902 по 1917 г., находясь на должности миссионера, священник П. А. Преображенский переводил на карельский язык наиболее популярные молитвы и все четыре Евангелия. «Евангельские переводы и азбука,

³¹ Пулькин М. В. Негативный образ финнов в российской публицистике в конце XIX — начале XX в.: истоки, трансформации, политические последствия // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. Сыктывкар, 2010. № 1 (9). С. 73–82.

³² Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 445.

³³ Лалукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997. С. 216.

³⁴ Троицкий С. Пасхальное Евангелие на карельском языке // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 6. С. 164.

³⁵ Илюха О. П. Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 76.

составленные им, были изданы архангельским миссионерским комитетом, который опубликовал также Священную историю для карелов»³⁶.

Аналогичные труды развернулись во многих епархиях России. При этом религиозная тематика неизменно оставалась преобладающей, но «в результате стремлений православного миссионерского движения к языковой стандартизации в некотором количестве печаталась и светская литература, буквари, учебники и т. п.»³⁷. Так, созданная в Казанской епархии Переводческая комиссия организовала перевод богослужебных книг на 20 языков, а «самое количество сделанных Комиссией изданий и переводов на инородческие языки простиралось в 1899 г. до 1 599 385 экземпляров»³⁸. Сходная деятельность началась в Архангельской, Вятской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Уфимской епархиях³⁹. Не всегда переводы оказывались удачными. Так, в 1910 г. в земской печати Олонецкой губернии появилась статья крестьянина Антропова, который лично ознакомился с одним из священных текстов на карельском языке. Крестьянин вспоминал: «...священник давал читать на карельском языке краткую Священную Историю. И тяжелее и непонятнее этого занятия ничего не было в школе. Тяжелее потому, что русские буквы не могут правильно обозначить произношения многих карельских слов... Непонятнее потому, что книги были переведены на олонеецкое наречие, т. е. как говорят в Олонеецком уезде (на юге Карелии. — М. П.)»⁴⁰.

Несмотря на все трудности и недостатки, миссионерская политика Православной Церкви приводила к формированию религиозной интеллигенции из числа «инородцев». Кроме того, благодаря ее деятельности преодолевался несомненно существующий в сознании многих российских граждан «барьер “бытового” статуса языков восточно-финских народов»⁴¹.

Ключевые слова: переводы, Евангелие, карельский язык, духовенство, Священный Синод, богослужение.

³⁶ Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии: Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2000. С. 91.

³⁷ Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. С. 198.

³⁸ Смирнов Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904. С. 50.

³⁹ Там же. С. 53.

⁴⁰ Антропов Ф. Нечто о карельском языке и народных чтениях в Кареле // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 24. С. 5.

⁴¹ Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000. С. 88.

TRANSLATIONS OF THE GOSPEL TO KARELIAN IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY

M. V. PULKIN

The article deals with the basic laws of translation activities in the parish clergy of Olonetskaya diocese. The needs of the service have served the main stimuli for the development of the Karelian language and translation of sacred texts. A significant impact has had very strong influence of old-believers, as well as the perceived threat of Lutheran propaganda. By the early twentieth century translation activities became widespread and has become a significant incentive for the development of Karelian language grammar.

Keywords: translation of the Holy Bible, Karelian language, the clergy, Holy Synod, liturgy.